

Капустина Т.А.,

ст. научный сотрудник музея-панорамы «Бородинская битва».

Александр I и Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг.

История заграничных походов русской армии 1813-1815 гг. мало изучена. В российской исторической науке до сих пор сохраняется противопоставление Отечественной войны 1812 г. и походов в Европу. Если о первой написаны десятки исследований, то литература о кампаниях 1813-1815 гг. крайне скучна. В основном, вся она представлена трудами дореволюционных историков.

Первыми к описанию войны 1812 г. и последовавших за ними заграничных походов приступили дворянские (т.е. официальные) историки, среди которых первое место занимают А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович и Н.К. Шильдер. Основная ценность их трудов - в детальном описании хода военных действий и дипломатических отношений. Именно в сочинениях этих историков, особенно в фундаментальной книге Шильдера⁴⁵, наиболее полно освещалась роль царя как руководителя внешней и внутренней политики России и главного вдохновителя 6-й антинаполеоновской коалиции. Естественно, что после октябрьского переворота эти труды вначале критиковались, а затем и вовсе были преданы забвению. Буржуазная историография ценилась у нас больше - в трудах А.К. Дживелегова, А. Кизеветтера, В.О. Ключевского, Вел. кн. Николая Михайловича уже сформулированы все те обвинения против Александра I, которые позже подхватили советские историки.

Коротко их можно сформулировать так:

- Продолжение войны с Наполеоном на территории Европы было чуждо национальным интересам России и было продиктовано только прихотью самого Александра I, ненавидевшего французского императора.
- Цели русской внешней политики и заграничных походов - восстановление дореволюционных феодальных порядков в Европе - реакционны по своей сути.
- Александр I своим личным присутствием в войсках только стеснял главнокомандующего: вначале Кутузова, а затем Витгенштейна и Барклая де Толли.
- Как военный деятель - русский царь - полнейшая бездарность.

Проиллюстрируем эти положения конкретными примерами.

Вел. кн. Николай Михайлович в своем труде, посвященном Александру I (который он написал, полемизируя с Шильдером), хотя и вынужден признать, что в 1812 г. «...Государь оправдал надежды своих подданных»⁴⁶, о заграничных походах пишет: «с точки зрения интересов России нам казалось выгоднее не вмешиваться в

дела Европы. Будущее показало, что России последующие войны принесли мало пользы, а даже вред». У Дживелегова в его исторических очерках читаем: «Александр в этот момент [в конце 1812 г.], упоминный победою, которую одержал за него «генерал Мороз», пылая ненавистью к Наполеону и окруженный немецкими влияниями, слепо стремился вперед, чтобы доделать то, что началось в России». И далее: «...Кровью русских солдат было восстановлено разрушенное Наполеоном могущество Австрии и Пруссии, которое с тех пор непрерывно являлось угрозой нашему международному положению»⁴⁷.

Свообразным итогом развития этой темы дореволюционной историографии стало юбилейное издание «Отечественная война и русское общество», авторами которого были видные историки В.И. Семевский, В.И. Пичета, К.А. Военский, Е.В. Тарле. Статью об императоре Александре I писал С.П. Мельгунов.⁴⁸ Автор считал себя представителем «современной скептической историографии» и с этой, как ему кажется, беспристрастной позиции, безжалостно развенчивает Александра I и занижает его заслуги и в 1812 г., и позже. Никаких военных достоинств в нем не находит: «Только любовь к военным экзерсиям, «парадомания» - в этом он - совершил как его отец Павел I». Заботливо выделяются те мемуаристы, которые подчеркивали эти черты Александра (записки генерала С.А. Тучкова, генерала Сабанеева, декабриста Якушкина). Из всех свойств характера Александра выделяются автором: болезненное самолюбие, мстительность и злопамятность. Картина получается удручающая. Где же искать причину твердого и мужественного поведения Александра в 1812 г., его победы над Наполеоном? Мельгунов считает, что «крайним самолюбисм и жаждой популярности можно объяснить много загадочных противоречий в действиях Александра. Это и желание играть мировую роль... были главными стимулами, направлявшими деятельность Александра». На нет сводятся все военные дарования Александра: «...Он воображал себя великим полководцем. Но мог ли им быть тот, кто все военное искусство видел в парадах и кто из всей тактики Наполеона заимствовал лишь эполеты тамбур-мажоров?». Как бы вовсе не замечая фактов, автор подводит итог: «...Соперничество с Наполеоном на поприще брани привело лишь к поражению Александра». Говоря о том, как Александр проявил себя в Отечественную войну, Мельгунов констатирует, что царь «проявил большую твердость, удивившую отчины и современников и историков», но объяснение этому он находит в упрямстве (!) Александра. «Когда дело задевало его самолюбис, он был удивительно настойчив». И, как приговор: «Для Александра борьба с Наполеоном была делом личного самолюбия, в жертву которому он готов был принести многое»⁴⁹. Это же соперничество с Наполеоном толкало царя продолжать войну за границей.

Здесь выразилась квинтэссенция взглядов на роль Александра всей буржуазной историографии и следует отметить, что советские историки мало что к этому добавили.

Пассажи историка Н.И. Ульянова, опубликованные в журнале «Родина» в 1992 г., которые представлены редакцией как «нетривиальная трактовка ключевых событий царствования Александра I и, в частности, войны с Наполеоном»⁵⁰, кажутся списанными у Мельгунова.

⁴⁵ Шильдер Н.К. Императора Александра Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1-3. СПб., 1897.

⁴⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Спб., 1914. С. 131.

⁴⁷ Там же. С. 132.

⁴⁸ Мельгунов С.П. Император Александр I // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. Спб., 1911. Т. 2. С. 122 - 152.

⁴⁹ Там же. С. 129 - 138.

⁵⁰ Ульянов Н.И. Александр I - император, актер, человек // Родина. 1992. № 6 - 7. С. 140 - 147.

Не имея времени проводить подробный анализ советской историографии, отмечу, что до сих пор историки войны 1812 г. либо обходят молчанием вопрос участия Александра I в составлении планов кампании, или же оценивают его влияние негативно, т.к. он сковывал инициативу главнокомандующего Кутузова.

Советская историческая наука начала с концепции Покровского о характере внешней политики России и заграничных походах, как реакционных и захватнических (см. его труд «Дипломатия и войны царской России в XIX веке». М., 1923). В сочинениях Е.В. Тарле и А.З. Манфреда о действиях 6-й коалиции нет почти ничего. Новый виток в исследовании проблемы - совместная научная сессия историков СССР и ГДР, посвященная 150-летию войны 1813 года.⁵¹ По понятным причинам, о роли Александра I в докладах этих ученых не говорилось ни слова. Кампания 1814 г. оставалась почти не изученной, многие историки считали, что с перенесением боевых действий на территорию Франции война изменила свой освободительный характер и стала захватнической.⁵²

В 70-е годы наметился отход от таких формулировок. Н.С. Княгиной был поставлен вопрос о неразрывной связи кампаний 1812, 1813 и 1814 годов.⁵³ В кандидатской диссертации А.В. Ионова делался смелый вывод о том, что «неверно разделять Отечественную войну и заграничные походы, противопоставлять их друг другу. Войну 1812-1814 гг. следует рассматривать как единое целое, как одну войну с разными этапами». Однако роль Александра I по-прежнему не получила достаточной оценки.⁵⁴

Этот вопрос лишь затронут в монографии Н.А. Троицкого «1812 - великий год России».⁵⁵ Несмотря на якобы новаторский подход автора к решению многих вопросов, связанных с Отечественной войной: новая оценка роли Кутузова и Барклая де Толли, уточнение количества потерь и вообще, «снятие хрестоматийного глянца», в этой книге очень мало говорится об Александре I, даже его портрета нет среди иллюстраций. Единственная заслуга царя, по мнению Троицкого - «его решимость не заключать мира с Наполеоном значила многое - ведь если бы царь после оставления Смоленска или Москвы принял мирные предложения Наполеона, ход событий был бы иным»⁵⁶. Как видим, ничего, кроме простой констатации факта здесь нет. Причину победы нашей в 1812 г. Троицкий видит исключительно в народном характере войны. Пресусличивая недостатки «феодальной системы комплектования и обучения русской армии», автор пишет, что «...за пределами России, как бы на нейтральном поле, где русская армия не имела поддержки своего народа, Наполеон был ее и до, и после 1812 г. - под Аустерлицем, Фридландом, Дрезденом...»⁵⁷. Троицкий старательно не замечает те факты, которые не вписываются в его концепцию, поэтому не упоминает о «Битве народов» и других победоносных для нас сражениях и как бы не видит общего итога кампании 1813 г. - очищение всей Германии от войск Наполеона. Сами

⁵¹ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства: Сборник статей. М., 1965.

⁵² Шеель Г. Иноземное владычество и национально-освободительная война (проблемы немецкой Освободительной войны 1813 г.) // Там же.

⁵³ Княгинина Н.С. Некоторые вопросы внешней политики России в новой публикации документов российского МИДа // История СССР. 1971. № 5. С. 5 - 7.

⁵⁴ Ионов А.В. Внешняя политика России в годы крушения наполеоновской империи. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. С. 24.

⁵⁵ Троицкий Н.А. 1812 - великий год России. М., 1988.

⁵⁶ Там же. С. 307.

⁵⁷ Там же. С. 308.

заграничные походы оцениваются им с привычных позиций марксизма-ленинизма. Он делает вывод: «Нельзя забывать, что 6-я коалиция 1813-1815 гг. (как и пять предыдущих) ставила своей целью отнюдь не освобождение европейских народов, а возвращение их из-под Наполеоновского диктата в рабство к собственным феодалам. Ее война против Наполеона оставалась, в то же время, войной против революции, антиякобинской войной». И, абсолютно в духе критикуемой им сталинской исторической науки, заканчивает: «Восторжествовавший в Европе после Наполеона Священный союз феодальных режимов во главе с русским царизмом заковал весь континент в цепи, еще более тяжелые, чем при Наполеоне»⁵⁸.

В своей следующей книге, «Александр I и Наполеон»⁵⁹, Троицкий, по существу, не отошел от своих взглядов. Объявив в предисловии, что свою задачу он видит в том, чтобы «по-возможности, объективно, на современном уровне знаний и требований к исторической науке сопоставить жизненные пути Александра и Наполеона», автор повторяет все те же штампы, взятые им из трудов буржуазных историков: Александр I у него - «представитель феодальной реакции, маскирующий свою реакционность ...проектами реформ»⁶⁰. В главе, посвященной кампании 1813 года, Троицкий тщательно обходит стороной вопрос о роли Императора в руководстве войсками коалиции (даже при описании сражений при Кульме и Лейпциге). Он считает, что «номинально» войсками «руководит совет трех монархов - русского, прусского и австрийского. Фактически возглавляли союзный штаб два барона - француз Жомини и немец К.Ф. Толь»⁶¹, и что в битве при Лейпциге союзники просто задавили армию Наполеона численным превосходством.

Визит барона Витроля, присланного в штаб союзной армии Талейраном, Троицкий объявляет главной причиной, по которой было принято решение идти на Париж: «Подсказала союзникам шахматный ход и решила судьбу Парижа измена»⁶². О роли Александра I - не сказано ни слова. Пытаясь быть объективным, Троицкий на самом деле всячески занижает Александра I, неизменно превознося его противника. Даже великодушный поступок Александра, добившегося, несмотря на сопротивление Меттерниха и Талейрана, сохранения за Наполеоном после первого отречения титула императора и предложившего отдать ему во владение остров Эльбу - автор объясняет желанием царя унижить Наполеона.⁶³ И хотя в заключении своей монографии Троицкий отмечает, что «масштаб личности Александра I и отечественные, и зарубежные историки оценивают невысоко» (что также неверно), и «весь этот ряд оценок занижен и судить об Александре надо целой октавой выше», сам он не делает ничего, чтобы по-новому подойти к оценке исторических заслуг Императора. Напротив, он тенденциозно подбирает факты и опускает эпизоды царствования Александра I, рисующие его в более выгодном свете. Троицкий не показывает нам Александра на полях сражений, очень мало пишет о пребывании его в Париже и вовсе умалчивает тот факт, что именно внезапный приезд Александра в Париж в 1815 году, когда он с малой свитой пересек 220 верст по враждебной французской территории, спас столицу от мести пруссаков.

В небольшом по объему, компилиятивном по характеру очерке В.А. Федорова, помещенном в сборнике «Герои и антигерои Отечества» (судя по всему, к царю

⁵⁸ Там же. С. 311.

⁵⁹ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

⁶⁰ Там же. С. 296.

⁶¹ Там же. С. 227.

⁶² Там же. С. 236.

⁶³ Там же. С. 241.

относится именно последнее определение), кратко и категорично утверждается, что «Александр I не был военными талантами. Современники отмечали характерную закономерность: там, где непосредственно он находился, его войска терпели неудачи»⁶⁴. Никаких доказательств этому утверждению автор не приводит...

Последняя по времени издания работа, посвященная Александру I, написана А.Н. Сахаровым.⁶⁵ По своей форме - это научно-популярное издание, но оно выполняет важнейшую задачу: возвращает нам объективный, общечеловеческий взгляд на неординарную личность русского императора. Сам автор отмечает, что его задача - «подготовить ...плацдарм для будущих исследователей этого выдающегося деятеля в истории России»⁶⁶. Конечно, в небольшой по объему работе А.Н. Сахаров не мог уделить достаточно страниц для описания заграничных походов 1813-1814 гг., однако он отмечает заслуги царя в этих кампаниях, его личную храбрость и воинскую распорядительность.⁶⁷

Книга А.Н. Сахарова свежестью взгляда выгодно отличается от многочисленных переводных биографий Александра I, опубликованных за последнее десятилетие. В задачи нашей статьи не входит подробный анализ зарубежной историографии. Отмечу только, что в трудах таких исследователей, как А. Валлотон⁶⁸, Анри Труайя⁶⁹ и Джанет М. Хартли⁷⁰, царь представлен вечно колеблющимся, нерешительным и неспособным к принятию ответственных решений. Этим объясняются неудачи задуманных реформ и эти же характеристики входят в непримиримое противоречие с фактами несомненных военных и внешнеполитических успехов Александра I, которые приводят вышеизложенные авторы. Книги изобилуют негативными характеристиками царя, которые давали ему преимущественно современники - иностранцы, по понятным причинам опасавшиеся роста влияния и могущества России под скипетром Александра I. Вышеизложенные сочинения, в особенности книга Анри Труайя, являются скорее художественными, нежели научными. Не опираясь на документы, используя одни литературные софизмы, вряд ли можно дать верную оценку такому многогранному историческому явлению, как царствование этого государя.

Следует отметить, что характеристика Александра I как выдающегося дипломата никогда не подвергалась сомнению даже советскими историками. Вообще, сфера международных отношений наиболее консервативна, она складывается веками, поэтому менее всего подвержена манипуляциям и фальсификациям. Даже в годы застоя выходили многотомные издания, посвященные внешней политике России⁷¹, и монографии. Советская историческая наука наиболее объективно освещала именно аспекты внешней политики. Так, в упомянутой ранее кандидатской диссертации А.В. Ионова дается высокая оценка действиям Александра I по созданию 6-й антинаполеоновской коалиции, указывается, что «при решении внешнеполитических вопросов ни легитимизм, ни родственные связи не играли большой роли», и что «сам

⁶⁴ Федоров В.А. Александр I // Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 130.

⁶⁵ Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998.

⁶⁶ Там же. С. 9.

⁶⁷ Там же. С. 234.

⁶⁸ Валлотон А. Александр I. М., 1991.

⁶⁹ Труайя А. Александр I, или северный сфинкс. М., 1997.

⁷⁰ Хартли Дж. М. Александр I. Ростов-на-Дону, 1998.

⁷¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. I. Т.6. М., 1962; Т.7. М., 1970.

Наполеон виновен в том, что армия союзников вторглась в 1814 г. во Францию, т.к. он все переговоры рассматривал только как возможность выиграть время для организации армии⁷². Принципы нашей дипломатии не затрагивали территориальной целостности Франции, а только уничтожали ее гегемонию. Но, делая такие абсолютно верные заключения, автор использует обтекаемую формулировку «русская дипломатия», ухитряясь почти не называть имени Александра I, хотя общезвестна высокая степень его личного участия в дипломатических переговорах.

Последняя по времени коллективная монография, в которой затрагивается внешнеполитический аспект заграничных походов - «История внешней политики России. Первая половина XIX века»⁷³ - блестящий пример новаторского подхода к осмыслению проблем отечественной истории. Эту книгу можно представить как пример системного подхода, т.к. невозможно рассматривать события военной истории России в отрыве от дипломатии, от истории внешней политики. Так, мы не можем понять причин, толкавших Наполеона к войне с Россией и его замыслов относительно Польши, если забудем о том, что «исторически Польша служила центром и основой системы изоляции или дистанцирования России от Западной Европы. В эту комбинацию «стран барьера», изобретенную и осуществленную французской дипломатией XVII - XVIII веков, входили также Швеция и Турция». Именно поэтому Император Александр I добивался восстановления Польши под Российским скипетром. «По его представлениям, это явилось бы шагом к дальнейшей интеграции России в систему европейских государств... Политика Наполеона в Польше была враждебна интересам России.» Авторы интересующего нас раздела характеризуют планы Наполеона в 1812 г.: «Результатом войны должны были стать изоляция России от Европы, возвращение к системе Восточного барьера»⁷⁴. Соответственно с этим оценивается и решение царя продолжить войну заграницей. «Было очевидно, что если дать Наполеону передышку, он быстро восстановит свое военное могущество и тогда последует возвращение Европы к реалиям 1810-1811 годов.» Именно эти мотивы, а не желание восстановить феодальные режимы Европы, побуждали Александра I продолжить войну с Наполеоном. В монографии дается истинная интерпретация пресловутого принципа легитимизма, который всегда выставлялся советскими историками как неотразимо доказательство «реакционных замыслов царизма»: «Под принципом легитимизма понималось... не реставрация некогда легитимных, а ныне ликвидированных правительств, а уважение к международному праву, договору, закону, построенному на здравой и реалистической оценке расстановки политических сил»⁷⁵. Авторы издания делают принципиально важный вывод о том, что внешняя политика правительства Александра I полностью отвечала национальным интересам России «Только в результате окончательной победы над наполеоновской Францией можно было добиться главной цели: восстановления принципов Европейского равновесия и международного права, обеспечив для России одно из ведущих мест в новой системе»⁷⁶. Можно сделать вывод о том, что авторы монографии полностью отошли от устаревших догм в оценке как внешней политики Александра I, так и заграничных походов. Объективное добросовестное использование источников позволяет им отказаться и от концепции буржуазных историков, интерпретировавших

⁷² Ионов А.В. Указ. соч. С. 18.

⁷³ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995.

⁷⁴ Там же. С. 80-81.

⁷⁵ Там же С.37.

⁷⁶ Там же. С. 54-55.

освободительный поход в Европу как личную прихоть Александра I. На страницах исследования высокую оценку получила и роль Императора как главы 6-й коалиции. Говоря об успехах российской дипломатии, авторы указывают на то, что «велика заслуга в этом лично Александра I. Император умел выжидать, не ускоряя ход событий. Он проявил решительность в ответственный момент после закрытия Пражского конгресса, заставив Австрию примкнуть к коалиции. Он добился крупной дипломатической победы. В сочетании с решимостью довести борьбу с Наполеоном до конца, она определила торжество союзников. Александр I лишний раз продемонстрировал превосходство твердого принципа над сиюминутной выгодой, обеспечив успех российской политической линии»⁷⁷.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что если роль Александра I как руководителя российской дипломатии получила достаточное освещение в историографии, то степень его личного участия в командовании союзными армиями до сих пор не выяснена.

Для того, чтобы яснее представить роль Александра I в военных кампаниях 1813-1814 гг., обратимся к уникальному комплексу исторических источников – дневникам и «журналам» военного историка А.И. Михайловского-Данилевского, хранящимся ныне в трех петербургских архивах.⁷⁸ Сохранилось 50 тетрадей его воспоминаний и дневниковых записей, сосредоточенных в двух личных фондах историка - в ОР РНБ, фонд 488 и РО ИРЛИ, фонд 527 (в настоящее время фактически недоступен для исследователя). По оценке заведующего отделом РНБ А.И. Сапожникова, эти дневники «входят в довольно узкий круг мемуарных источников, имеющих первостепенное значение для исследователей, без использования которых трудно представить серьезный научный труд по истории России 1-й четверти XIX века»⁷⁹. В монографии А.Г. Тартаковского «Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX в.»⁸⁰ отмечается, что «...еще в ходе [военных] кампаний, Михайловский-Данилевский глубоко осознал исторический смысл развертывавшихся перед ним событий и свое призвание стать их летописцем. Уже тогда его нарекли в штабе Кутузова «историографом армии». Он понимал, что должен смотреть на людей, с которыми соприкасался в высших сферах, в сражениях, на маршах, «не обычновенными глазами, а с вниманием историка... Потому все, чему был тогда свидетель, фиксировал в своих «журналах» с особой тщательностью». Автор также замечает, что «свои мемуары Михайловский-Данилевский никак не мог предназначать к публикации»⁸¹. Следовательно, можно сделать вывод о том, что они являются достоверным источником, не подвергшимся даже авторской самоцензуре. Особую ценность «журналам» Михайловского-Данилевского придает и то, что они вышли из-под пера весьма осведомленного в военно-политической обстановке, прекрасно образованного офицера (Александр Иванович окончил Геттингенский университет), допущенного к секретным делам главной квартиры. Михайловскому-Данилевскому, состоявшему при начальнике Главного штаба князе П.М. Волконском, поручали

составление военного журнала и иностранную переписку. Одним из первых он был причислен к созданному в 1814 г. Генеральному штабу, куда отбирали наиболее отличившихся офицеров-квартирмейстеров. Он неизменно сопровождал Императора Александра I во время заграничных походов и вплоть до 1818 года – во всех поездках как по России, так и за ее пределами. Высокую оценку Михайловскому-Данилевскому – мемуаристу дает в своей статье Л.И. Бучина.⁸² Обращая внимание исследователей на этот источник, она подчеркивает, что автором «дана очень точная и глубокая оценка значению Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов для общественного движения России, для ее исторических судеб»⁸³.

Все историки, изучавшие мемуарное наследие Михайловского-Данилевского, сходятся на том, что необходимо более широкое введение в научный оборот его «журналов» и дневников, и ставят вопрос о полном научном издании этих источников, т.к. публикация, осуществленная в XIX в. на страницах «Русской старине» Шильдером, не учитывала авторской правки, вариантов различий, и к тому же была подцензурной, поэтому не может считаться подлинно научной. В наши дни полностью, с комментариями опубликован лишь «Журнал 1813 года»⁸⁴. Дневники и «журналы» за 1814-1815 гг. никогда полностью не публиковались, незначительный отрывок из «журнала» 1815 г. был опубликован в «Русской старине» в 1899 году.⁸⁵ Приводимые ниже источники крайне редко использовались исследователями, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот в данной статье. Они входят в состав личного фонда А.И. Михайловского-Данилевского (№ 488), отдел рукописей РНБ. В данной работе использованы следующие дневники:

1. «Журнал 1814 года». Д. 11.
2. «Журнал 1815 года». Д. 12.
3. «О пребывании в Вене в 1814 и 1815 гг.». Д. 8.

Н.К. Шильдер широко цитировал мемуары Михайловского-Данилевского в своем труде об Александре I, но вышеперечисленные дневники и «журналы» почти не привлекались им в качестве источников.

Следует отметить, что именно в записках за 1814-1815 гг. мы находим наибольшее количество сведений, позволяющих увидеть Императора Александра I не только в привычной обстановке дворцовых кабинетов и конгрессов, но и на полях сражений. С этой точки зрения они поистине уникальны, т.к. автор их вращался в придворных кругах, но не принадлежал к ним и смог достаточно объективно, как бы дистанцируясь, оценить качества Александра – дипломата и военачальника. Михайловский-Данилевский был рядом с императором в сражениях при Люцене и Бауцене (где впервые выполнял на поле боя личные его распоряжения), в Дрезденском и Кульмском сражениях, в Битве народов под Лейпцигом, под Бриеном, Арсисом, у Фер-Шампенуаза и при взятии Парижа. И факты, почерпнутые из воспоминаний Михайловского-Данилевского, конечно, не укладываются в привычные схемы советской историографии.

⁷⁷ Там же. С. 106.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 488; Рукописный отдел Института русской литературы (далее РО ИРЛИ). Ф. 527; ЛО РАН. Ф. 295.

⁷⁹ Сапожников А.И. Мемуары А.И. Михайловского-Данилевского // Российская национальная библиотека. Рукописные памятники. Вып. 1. Публикации и исследования. СПб., 1996. С. 195.

⁸⁰ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX в. М., 1991.

⁸¹ Там же. С. 201.

⁸² Бучина Л.И. Дневники А.И. Михайловского-Данилевского: 1814-1815 // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1987.

⁸³ Там же. С. 43.

⁸⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год. Военные дневники. М., 1990.

⁸⁵ Представители России на Венском конгрессе в 1815 году. (Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского) // Русская старина. 1899. Июнь. С. 627-650.

Во-первых, в «журналах» Михайловского-Данилевского мы находим многочисленные примеры, подтверждающие тот неоспоримый факт, что именно Россия в лице Александра I имела реальную власть и решающее влияние на европейские дела в то время. Сила русского оружия и дипломатический талант русского царя послужили главной причиной падения Наполеона. В «Журнале 1815 г.» Михайловский-Данилевский отмечает, что «Всю Европу признало, а особенно же Францией, что он один управлял коалицией»⁸⁶. Австрийский император Франц I вовсе не стремился к низложению Наполеона, его и Меттерниха беспокоил рост русского влияния и стремление Александра стать арбитром Европы. Характеризуя действия 6-й коалиции, Михайловский-Данилевский пишет: «Мы были в гораздо превосходном числе, но нас обуревали несогласия, производимые большую частью австрийским двором. Единственно, присутствие нашего Государя, который, будучи главою союза, всем уступал, чтобы всем угодить, и тем самым заставлял быть всех своего мнения, сделало не только возможными успехи сего разнородного союза, но избавило от погибели армии, которые бы без него содеялися жертвою своих раздоров»⁸⁷. Это рассуждение Михайловского-Данилевского совпадает с мнением Барклая де Толли, утверждавшего, что «твёрдости и неуклонности нашего Императора, выносливому терпению и неутомимому попечению Его мы обязаны этим еще никогда невиданным и неслыханным феноменом, что такая огромная и сложная коалиция до сей поры еще существует и с энергией преследует все ту же цель»⁸⁸. Очевидцы свидетельствуют, что когда ночью приходили важные донесения, Александр, часто пренебрегая сном, вставал с кровати, поспешно одевался и, в сопровождении дежурного офицера, фонарем освещавшего дорогу, ходил в ненастную погоду по грязным улицам деревень к союзным государям, и даже к князю Шварценбергу, будил их, читал им донесения и договаривался о принятии соответствующих мер.

На страницах своих записок Михайловский-Данилевский неоднократно отмечает работоспособность Александра I, высокую степень его личного участия в делах управления государством и армией. В «Журнале 1815 г.» мы находим такую характеристику царя: «Я уже прежде заметил, что Император имеет чрезвычайную поверхность над всеми, которые его окружают, по дарованиям своим, по образованию своему, и по той причине, что он один, который имеет нить всех происшествий последних годов, он один управляет и военными и дипломатическими, и гражданскими делами. Князь Волконский и граф Нессельроде обязаны ему показывать каждую бумагу, заключающую какую-либо важность по частям их... что касается до внутренних дел России, то фельдъегери привозят их в Париж через день и Государь сам распечатывает доклады и бумаги Совета, Сената и Комитета Министров, собственноручно подписывает на них решения и большую частью даже сам печатает их в конверты и отправляет обратно для исполнения в Петербург через 5, 6 и 7 дней. Таким образом, он один из русских, которому все части управления обширнейшей в свете Империи, многочисленнейшей армии и все сокровенности европейской политики известны»⁸⁹.

При такой занятости, Император Александр I находил время лично вникать во все подробности, касающиеся русской армии, поощряя отличившихся, следил за

дисциплиной и т.д. В фонде Михайловского-Данилевского сохранился черновик журнала военных действий союзных армий за период с 1 сентября 1813 г. по 22 января 1814 г. с многочисленными исправлениями и дополнениями, сделанными рукой Александра, который лично его просматривал и редактировал, т.к. сам Михайловский-Данилевский в это время был болен. Характер этих записей указывает на то, с каким вниманием царь относился к своим войскам, как высоко ценил заслуги и храбрость русских солдат. Он не упускает возможности похвалить полки за проявленный героизм. Так, в записи от 12 сентября 1813 г. об успешных действиях инженерных войск по уничтожению с помощью брандер неприятельских мостов на Эльбе, Александр делает следующее уточнение: «Посредством гвардейского морского экипажа, отличающегося во всяком случае своею храбростию и неустрашимостью»⁹⁰.

Запись от 15 сентября. День восшествия Александра I на престол, союзные государи «слушали обедню в походной церкви, вокруг коей стояла вся российская и прусская гвардия в густых колоннах», - пишет Михайловский-Данилевский. Александр исправляет его оплошность: вместо «обедня» пишет более торжественное «литургия» и уточняет: «составлен был каре из колонн российской и прусской гвардии». После службы «обе гвардии прошли мимо Их Величеств церемониальным маршем». «В том отменном устройстве и опрятности, кои их всегда отличают», - добавляет Император.⁹¹

Воспоминания Михайловского-Данилевского позволяют нам также представить степень личного участия Александра I в командовании союзными армиями непосредственно на полях сражений. Некоторые документы, содержащие интересные сведения по данной проблеме, обнаружены мною в личном фонде Н.К. Шильдера (ОР РНБ. Ф. 859). Материалы эти имеют непосредственное отношение к Михайловскому-Данилевскому, т.к. происходят из собрания документов, на основе которых историк писал свои сочинения о заграничных походах. Например, письмо генерала Алексея Никитина Михайловскому-Данилевскому от 27 июня 1836 г.⁹² с его замечаниями на «Записки о походе 1813 г.». Воспоминания Никитина вносят ясность в некоторые эпизоды неудачного для нас сражения при Бауцене 21 мая 1813 г.

Нам известно, что главнокомандующий русской армией граф Витгенштейн действовал вяло, все время сражения простоял на холме около царя и ни разу даже не подъезжал к войскам. К четырем часам дня, видя, что французы выигрывают, он предложил начать отступление. Это было произведено в совершенном порядке, неприятелю не досталось ни пленных, ни знамен и пушек. Недовольный Наполеон воскликнул, обращаясь к своим генералам: «Как, после этой битвы – никаких результатов, никаких пленных? Эти люди не оставят нам ни малейшего гвоздя!». Но, оказывается, что именно своевременное вмешательство Александра спасло отступающие армии союзников: «Государь изволил заметить, что при отступлении сходились на одну дорогу русские и прусские войска, и послал к графу Витгенштейну приказ, что нужно удержаться, дабы доставить свободное отступление армии, хоть бы это и стоило значительной потери артиллерии; и определить оной для задержания натиска неприятеля столько, сколько надобность потребует. Вследствие чего граф Витгенштейн приказал... генералу Никитину с артиллерийскими ротами... всего с 48 орудиями, удерживать позицию между Энквицем и Башюцем, для прикрытия же оной

⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 488. Д. 12. «Журнал 1815 года». Л. 195.

⁸⁷ Там же. Д. 11. «Журнал 1814 года». Л. 11-11 об.

⁸⁸ Цит. по: Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С.

⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 488. Д. 12. «Журнал 1815 года». Л. 221-221 об.

⁹⁰ Там же. Д. 28. Л. 20.

⁹¹ Там же. Л. 21.

⁹² ОР РНБ. Ф. 859 (Шильдер Н.К.). Карт.8. № 1. Л. 131-145.

оставить генерала Корфа с кавалерию. Войска сии держались до самой ночи и отступили вместе с [главными] войсками⁹³.

Таких примеров, когда личное вмешательство Императора спасало положение армии, можно привести немало. Первая победа над французами в 1813 г. – под Кульмом – была обеспечена своевременными и решительными распоряжениями Александра, который приказал австрийским войскам генерала Колоредо (через голову главнокомандующего Шварценберга) идти на выручку русской гвардии к графу Остерману, сдерживавшему натиск корпуса Вандама у Теплица 17 августа. Не ограничившись посылкой подкрепления Остерману, Александр I принял решение напасть на следующий день силами главной армии на французов, чтобы совершенно очистить территорию Богемии. Он посыпал собственноручный приказ прусскому генералу Клейсту, чтобы он ударил в тыл Вандаму. Прибывшему к тому времени Шварценбергу оставалось только согласиться с намерениями царя. Бой 18 августа увенчался полным успехом – корпус Вандама был разгромлен, взято в плен 12 тысяч солдат, 4 генерала и сам корпусный командир. На страницах своего «Журнала 1813 г.» Михайловский-Данилевский замечает, что победа при Кульме навсегда осталась любимым воспоминанием Александра, хотя впоследствии он одерживал победы, гораздо более значительные.⁹⁴

Необычайно высока степень личного участия Александра I в деле управления восками 6-й коалиции в «Битве народов» под Лейпцигом (4-7 октября 1813 г.). Еще накануне сражения на военном совете среди союзников водили спор относительно планов атаки. Император Александр I не соглашался с главнокомандующим Шварценбергом, который намеревался сконцентрировать главные силы в долине между реками Плейса и Эльстор. Любопытно замечание Михайловского-Данилевского о том, что во время этого спора «Император Франц и король Фридрих-Вильгельм избегали взять сторону либо Александра, либо князя Шварценберга. Однако от времени до времени делали несущественные замечания и соглашались то с одним, то с другим»⁹⁵. Однако Александр проявил твердость, сказав главнокомандующему, что он может делать с австрийской армией, что хочет, однако, что касается русских войск, то они пойдут направо от реки Плейса, и никуда больше. По поводу этого исторического спора Михайловский-Данилевский делает замечание относительно степени военных дарований Александра, ценное для историка своей объективностью: «Вообще, сколько я ни видел Государя, рассуждавшего о военных делах на поле, его мнения были самые основательные и дальновидные, но в нем была какая-то недоверчивость к самому себе, и он имел тот недостаток для военного человека, что не скоро узнавал местные положения поля сражения, или, говоря техническим выражением, он с трудом мог ориентироваться»⁹⁶. Но тем не менее, сражение 4 октября полностью подтвердило правоту царя. Шварценберг, упорствуя в своем плане, все же двинул австрийцев в долину между Плейсою и Эльстером и войска генерала Мерфельда и принца Гессен-Гамбургского попали в мешок, окруженные французами, и понесли большие потери.

В первый день «Битвы народов» – 4 октября, Наполеон, около 2-х часов дня, двинул свои главные силы и всю кавалерию в центр союзной армии. Это была знаменитая атака кирасир Латур-Мабура и Келлермана на деревню Госса, близ

которой, на холме, находились союзные монархи. Кирасиры прорвались сквозь корпус Евгения Вюртембергского, изрубили 3-ю гвардейскую батарею, опрокинули нашу легкую кавалерию и устремились к плотинам на прудах у Госсы. Александр I находился на половину пушечного выстрела от неприятеля, только пруд отделял его от французских кирасир. Генералы свиты умоляли царя удалиться, т.к. он оказался в самом центре сражения, но как всегда, в момент большой опасности, Александр не обращал внимания на их уговоры и оставался совершенно спокоен. «Я смотрел нарочно в лицо Государю, - пишет Михайловский-Данилевский, - он не смешался ни на одно мгновение и приказал сам находившимся в его конвое лейб-казакам ударить на французских кирасир, отъехал назад не более, как шагов на 15. Положение Императора было тем опаснее, что позади него находился длинный и глубокий овраг, через который не было моста»⁹⁷. Этую знаменитую атаку лейб-казачьего полка вспоминает его командир граф Орлов-Денисов в записке, составленной специально для Михайловского-Данилевского. Он пишет: «Император Александр, усматривая сии решительные действия французов с возвышения за Госсою... дал мне повеление поспешать к фельдмаршалу Барклаю де Толли, чтобы немедленно выдвинуть тяжелую кавалерию к разобщенному центру, против натиска огромной массы французской конницы. Исполнив приказание Государя и поспешая к своему месту, я встретил бегущую в беспорядке нашу пехоту и заметил движение лейб-казаков, всегда находившихся при особе Императора, поскакал к ним. От них узнал я, что им повелено было от Государя прикрывать роту артиллерии, шедшей с левого фланга на правый и которая была остановлена и выдвинута по его же приказанию, для удерживания натиска неприятеля до прибытия нашей тяжелой конницы»⁹⁸.

В самую критическую минуту сражения Александр I распорядился вывести в действие резервную артиллерию генерала Сухозанета и, заметив сосредоточение неприятельских сил у Вахау, приказал гвардейскому корпусу атаковать французов. 112 русских орудий открыли огонь по войскам Наполеона, это была та самая канонада, о которой Милорадович сказал, что она «громче Бородинской». Все эти распоряжения Императора позволили Михайловскому-Данилевскому на страницах своих «Записок о походе 1813 года» сделать вывод о том, что «Александр вырвал победу из рук Наполеона, который до такой степени был уверен в успехе, что, видя центр российской армии прорванным, послал в Лейпциг «поздравить короля Саксонского с победою»⁹⁹. Усилия французов остались практически безрезультатными, т.к. они понесли страшные потери (обе стороны за один день по 30 тысяч солдат) и у Наполеона не оставалось резервов, чтобы добиться победы. К тому же, наступательные действия Блюхера к северу от Лейпцига увенчались успехом. Конечно, этот успех стал возможен благодаря активности русской армии на главном фронте.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что первый этап лейпцигского боя был самым блестящим результатом, достигнутым лично Александром I, за всю его военную карьеру. Это и успешная критика плана Шварценберга накануне сражения, очень высоко подняли престиж русского царя, который, в сущности, *стал играть роль главнокомандующего союзных армий*.

Накануне решающего дня сражения, 5 октября, по воспоминаниям Михайловского-Данилевского, «Государь весь день был на поле, занимался лично распоряжениями к бою, ибо в самом деле он начальствовал армиями, а не кто другой, к

⁹³ Там же. Л. 139-139 об.

⁹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года. С.360.

⁹⁵ Там же. С. 365.

⁹⁶ Там же. С. 365-366.

⁹⁷ Там же. С. 366.

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 859. (Шильдер Н.К.). Карт. 8. Л. 165-165 об.

⁹⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 года. Спб., 1834. С. 388.

князю Шварценбергу потеряли доверенность, а прочие два монарха ни во что не вмешивались». И далее, он пишет о тех изменениях, которые произошли в Императоре с начала войны: «Александр, ознакомившись в течение двух месяцев с австрийцами, уже не оказывал им той уступчивости, как в начале своего союза с ними, при разногласиях он твердо настаивал на своих мнениях. Пруссаки во всем ему покорялись, и сами австрийцы, признавая его возвышенные дарования и отвержение его всяческих личных, честолюбивых видов, начинали его слушаться, тем более, что присоединение к ним армий Беннингсена, Бернардотта и Блюхера увеличивало число войск, непосредственно зависевших от распоряжений Государя, истинного Агамемнона великой брани»¹⁰⁰.

В решающий день «Битвы народов» – 6 октября - Александр I находился в войсках, следя за колоннами, под ядрами, постоянно летавшими над ним. К царю беспрерывно подъезжали адъютанты от корпусных командиров, от Беннингсена, Бернардотта и Блюхера, который посыпал свои рапорты не королю Фридриху-Вильгельму, а Александру. Вечером состоялся военный совет, на котором было решено на следующий день, 7 октября, штурмовать Лейпциг. Следует отметить, что Александр предложил немедленно, ночью направить гвардию и grenader на правый берег Эльстера, чтобы действовать во фланг армии Наполеона. Очевидец этого совещания, немецкий военный историк Плото, пишет: «Император Александр говорил так ясно, определительно и с таким знанием стратегических движений, что возбуждал общее удивление»¹⁰¹. Тем не менее, князь Шварценберг, ссылаясь на усталость войск, упросил царя отложить преследование до утра, что не позволило окончательно добить армию Наполеона. Результатом победы войск 6-й коалиции под Лейпцигом стало занятие Франкфурта и очищение всей Германии от французов.

С переносом боевых действий на территорию Франции еще больше возросла роль Александра I как главы коалиции. Он один не верил в возможность установления мира, пока Наполеон остается на престоле, и требовал подписать мир в Париже.

Кампания 1814 г. изучена еще меньше, чем война за освобождение Германии. После 1917 г. не было издано ни одной монографии по данной теме. Причина, как мне кажется, ясна: говоря о походе во Францию, нельзя было обойти молчанием выдающиеся заслуги Александра I, как главного двигателя и вдохновителя 6-й коалиции.

С приближением часа падения Наполеона, противоречия между странами-союзницами все больше обострялись. Политические расчеты постоянно вмешивались в ход военных действий. Так, в то время, как Наполеон наносил удары по армии Блюхера, главнокомандующий Шварценберг, наставивший на разделении союзных армий, бездействовал и своей нерешительностью способствовал успехам французов. Заняв в начале февраля город Троа, он расположил войска на зимние квартиры, хотя Александр I настоятельно требовал, чтобы они двинулись в тыл Наполеону. На страницах своего «Журнала 1814 года» Михайловский-Данилевский передает рассказ самого Императора Александра о причинах неуступчивости австрийцев: «Нам надобно было переходить на другой берег Сейны, но князь Шварценберг упорствовал. Польза от перехода была явна и ничего нельзя было возразить, но фельдмаршал никак со мною на сие не соглашался. Следствием сего было, что корпус графа Витгенштейна, который один переправился за Сейну, был совершенно разбит при Провейне. Через год после

сего я узнал в Вене, что Шварценберг имел от своего императора тайное повеление не переходить Сейны»¹⁰². Так двуличная политика австрийского двора сковывала инициативу русского командования.

Говоря об участии Александра I в заграничных походах, нельзя обойти вниманием вопрос о том, кому принадлежала инициатива повернуть союзные войска на Париж. Можно согласиться с мнением Н.К. Шильдера о том, что не столь уж важно, кто первый из генералов: Волконский или Толь, предложили на совете в Сомюи движение на Париж. Безусловно, что всю ответственность и приведение в исполнение этого плана взял на себя русский Император. Александр срочно выехал из Сомюи, разыскал на поле прусского короля и Шварценберга, велел разложить на земле карту и, объясняя свой план, настоятельно убеждал союзников в необходимости двинуть войска на Париж. Шварценберг, несмотря на возражения генералов своего штаба, вынужден был согласиться с царем и отменил свои прежние распоряжения. Т.о., заслуга принятия смелого решения идти на французскую столицу, решившего исход кампании 1814 г., всецело принадлежит Императору Александру. Здесь уместно привести мнение Михайловского-Данилевского о том, что «Государь себе лично обязан всею славою, которую он приобрел. Его Величество сам во время последних походов делал важнейшие распоряжения и присутствовал, когда приводили оные в исполнение. Извлеченная им великая польза из последних необыкновенных военных и политических переворотов, которые совершились под главным Его руководством, состоит в том, что отбросив прежнюю нерешительность и робость, он стал самодеятелен, тверд и решителен. Он употребляет теперь окружающих его не как советников своих, но как исполнителей своей воли, для тех же генералов, которые в течение многих лет находились при нем, такое изменение характера не очень приятно»¹⁰³. Здесь мы видим истоки того недовольства Александром, которое высказывали многие русские военачальники и которое перекочевало позже на страницы исторических сочинений.

Лучшие свойства характера Александра I: его хладнокровие, мужество, великодушие к побежденному противнику, ярко проявились в сражении при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г., уже на подступах к Парижу. Утром войска союзников разгромили корпуса маршалов Мармона и Мортье, шедших на соединение с Наполеоном. Вечером на том же поле появились дивизии генералов Пакто и Аме, которые также двигались на подмогу главным французским силам. Вторым этим сражением руководил лично Александр Михайловский-Данилевский в своих воспоминаниях в «Журнале 1814 года» так описывает атаку нашей легкой кавалерии и поведение Александра во время сражения: «Близ Государя не было никакого войска, кроме Лейб-Казачьего полка, находившегося в конвое, а за версту стояли две роты под командованием полковника Маркова. Государь велел казакам идти немедленно в атаку, а мне - орудия подвести на картечный выстрел. Неприятель выстроил три карея и началось дело. Император с казаками ударил сам лично на первый карея, который, невзирая на сильную оружейную пальбу, мгновенно был снят. Я почитаю сию минуту одной из счастливейших в моей жизни, потому что я, подоспев с артиллерию, почти один из русских находился при Его Величестве, ибо прочие были разосланы с различными приказаниями. Император несколько раз со мною говорил в самом пылу сражения, забыв расстояние, между нами существовавшее, я стоял возле него и даже иногда немного впереди Его Величества. Один раз он сказал мне: «Моих адъютантов нет со

¹⁰⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года. С. 366.

¹⁰¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 174.

¹⁰² ОР РНБ. Ф. 488. Д. 11. «Журнал 1814 года». Л. 12-12 об.

¹⁰³ Там же. Д. 8. «О пребывании в Вене в 1814 и 1815 г.». Л. 127-127 об.

мной, ты будь моим адъютантом теперь». Лестное предсказание, подумал я, и не воображал тогда, что оно со временем сбудется... Я пристально смотрел на Государя во время действия или, лучше сказать, не спускал с него глаз, видя его в величайшей опасности, и не скажу, чтобы он был совсем равнодушен, видно было, что душа его находилась в волнении, но он никак не изменял хладнокровию и со спокойствием распоряжался малым числом войск, тут находившимся. Я видел, как царь наш летел на тысячу смертей и потом стоял победителем посреди неприятельского каре... в котором солдаты и офицеры бросали оружие свое, между тем, как воздух наполнялся свистом пуль и жужжанием ядер»¹⁰⁴. Эта картина, конечно, не соответствует тому представлению об Александре, как человеке, знакомому с военным делом только по плац-парадам, которое сложилось в советской историографии. Русские солдаты, ожесточенные сопротивлением французов, врезались в их каре и начали избивать неприятелей, даже тех, которые побросали оружие. Видя трагическое положение французов, Император с риском для собственной жизни бросился с конвом в центр французских каре. Приближенным, которые умоляли его не подвергать себя опасности, он отвечал: «Хочу пошадить их...». И действительно, при виде своего царя посреди поля битвы, русские солдаты остановились и прекратили резню. Насколько решительность Александра поразила даже его врагов, показывает эпизод, свидетелем которого был Михайловский-Данилевский: «Государь начал говорить с командовавшим неприятельским генералом Пакто, который в ответах своих называл Его Величество генералом. «Вы говорите с Императором», - сказал я Пакто. «Это невозможно, - отвечал он, - сколь ваш Государь ни храбр, но он верно не пойдет в атаку на пехоту с одною конницею». Император, услышав мой разговор с Пакто, сказал мне, чтобы я не выводил его из заблуждения»¹⁰⁵.

Через много лет после этого памятного для Михайловского-Данилевского напишет свои замечания на историческое сочинение о царствовании Александра I, вышедшее из-под пера неизвестного, скорее всего, иностранного автора. Листы с заметками Михайловского-Данилевского обнаружены мною в фонде Н.К. Шильдера.¹⁰⁶ 18 пунктов этих записей содержат ответы историка автору, буквально поливавшему грязью имя Александра. Любопытно отметить, что все обвинения этого памфлетиста середины XIX века с точностью повторены в советской историографии. Документ этот заслуживает отдельной публикации. Приведу лишь фрагменты, касающиеся темы нашей статьи. Отвечая на обвинения Александра в лицемерии («лукавство обратилось в нем во вторую натурку»), он пишет: «Царствование Александра было обращено на действие внешней политики - того требовал век его. Надлежало перехитрить хитрейшего из корсиканцев и заставить Европу идти колесом, указаною русским монархом. Корсиканец был уничтожен и Европа смиренno побрела повеленою троюю. Совершение таких подвигов требовало величайших политических расчетов и знания человеческого сердца. Здесь не «лукавство», но прозорливый, тонкий разум мужа государственного»¹⁰⁷. В ответ на уничижительные слова о том, что «познания его [Александра] по воинской части никогда не производили ничего примечательного», Михайловский-Данилевский восклицает: «Так говорит Наполеон, но он жестоко ошибается. Доказательством служит, между прочим, составленный Александром план

движения армий в тыл Наполеона к Березине. Личные распоряжения его 4 октября под Лейпцигом, когда он вырвал победу из рук Наполеона, славное дело под Фер-Шампенуазом. Неразлучный с Александром на всех полях битв, я был, клянусь честию, свидетелем его воинского гения и удивлялся его бесстрашию и глубокому знанию военного дела»¹⁰⁸. В конце своей записи, проставляя дату: «13 марта 1847 года - память Фер-Шампенуаза», Михайловский-Данилевский с горечью добавляет: «Могли ли мы, сражаясь под Фер-Шампенуазом, думать, что нам придется через 33 года, отстаивать нашего боготворимого, великого Александра!»¹⁰⁹. Если бы историк мог знать, что напишут о его Государе в наши дни!

Итак, исследованные нами материалы из личных фондов А.И. Михайловского-Данилевского и Н.К. Шильдера позволяют более объективно, по-новому взглянуть на роль Императора Александра I в Заграничных походах 1813-1814 гг. и тем самым отойти от заниженных оценок и привычных штампов, свойственных советской историографии. Конечно, Александр не был великим полководцем, да и по свойствам своего характера не мог быть им. Лично участвуя в сражениях, деля со своими войсками все тяготы и лишения походов - он испытывал войну и ставил целью своей политики восстановление мира в Европе и возвращение к цивилизованным принципам международного права, к «легитимизму» в истинном смысле этого слова. Личное присутствие Александра I в армии и его деятельность как главы русского государства явились необходимым условием свержения Наполеона и победы 6-й коалиции.

¹⁰⁴ Там же. Д. 11. «Журнал 1814 года». Л. 21-21 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 22-22 об.

¹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 859 (Шильдер Н.К.). Папка 7. Карт. 17. № 3. Л. 145-151.

¹⁰⁷ Там же. Л. 148 об. - 149.

¹⁰⁸ Там же. Л. 150.

¹⁰⁹ Там же. Л. 151.